

К. С. Константинова «Осенние недуги» и «Жизнь без прикрас» (под этим названием объединены два стихотворения), два из которых, возможно, Достоевский все же пробовал подготовить к печати, так как на них есть его пометы. В стихотворении «Осенние недуги» он выровнял ритм одной из строк, исправил неловкий речевой оборот в другой («Давно соловьи замолчали» вместо «Уж петть соловьи перестали», «На дамских поношенных лицах» вместо «У дам на поношенных лицах») и исключил последнее четверостишие, где Константинов от более приемлемого для Достоевского описания прозы осенней природы и жизни переходил к воспеванию будущей весны.³² Из двух других стихотворений, озаглавленных «Жизнь без прикрас», в первом — «Когда еще детьми с тобой мы были...» — нет никакой правки. Скорей всего, Достоевский не собирался его воспроизводить и предпочел ему второе — «Да, милая, я долго помнить буду...», — в котором заменил спотыкающуюся концовку «О нет — мирясь в душе с моим страданьем, / Живу для ласки, для прощенья, для любви» более четкой и энергичной: «Нет, я живу одним моим страданьем... / Для ласки, для прощенья, для любви!». Стихотворения эти, судя по подписи А. Г. Достоевской на обложке, Достоевский, вероятно, намеревался передать в «Гражданин». Однако они там не появились.

Из сказанного можно заключить, что редакторская «воля» Достоевского выражалась, помимо участия в отборе стихотворений для журнала, также в исправлениях текстов начинающих поэтов, личность и стихи которых вызывали у него сочувствие. Что касается поэтов с уже определенно выявившейся индивидуальностью, таких, например, как Ф. И. Тютчев, П. А. Козлов, А. Н. Майков, то в их стихи Достоевский, по-видимому, не считал для себя возможным вмешиваться.

В. Д. Р А К

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ
В АПРЕЛЬСКОМ ВЫПУСКЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1876 г.**

На обратной стороне отдельного небольшого листка, озаглавленного «Словечки» и содержащего черновые заметки к «Братьям

³² После пятой строфы:

О, птички, забавные птички!
Они рассудили отлично,
Что в наше практичное время
Им петть о любви не прилично... —

рукой Достоевского проставлена подпись (С. Константинов) и далее зачеркнуто:

Но, милые птички, я верю:
Наступит весна золотая —
И песнью любви вдохновенной
Зальются пернатые стаи.

Карамазовым» (ИРЛИ, ф. 100, № 29444; см.: 15, 211—212), записаны следующие шесть стихотворных строк:

Турк, Перс, Прусс, Франк и мстительный Гишпанец,
Италий сын и сын наук Германец,
Меркантилизма сын, стрегущий свой товар,
И просвещение несущий всем швейцар
Пред Россом станут все, склонясь главами, рядом,
А Росс, вняв воплям их, не обернется задом.

Над четвертой строкою и под шестую вписаны варианты, с учетом которых они читаются:

И просвещенья сын услужливый швейцар
И
А Росс, влюбя их, к ним не обернется задом.

Это стихотворение было опубликовано А. С. Долининым в составе черновых материалов к «Братьям Карамазовым»¹ и приписано им Д. И. Хвостову² на том основании, что под именем незадачливого современника Державина и Пушкина («стих, кажется, графа Хвостова») четыре первые строки были напечатаны якобы по памяти («я помню даже четверостишие, в котором поэт перечисляет все народы Европы») в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (22, 116). Между тем в сочинениях «певца Кубры» нет подобного фрагмента, как не обнаружен он и у других поэтов той поры.

При отрицательном результате поисков такого рода никогда, разумеется, не может быть окончательной уверенности в том, что подозреваемая, но не найденная цитата не проскочила мимо внимания, затерявшись на одной из множества перелистанных страниц, или не скрывается в какой-то из книг, по той либо иной причине оставшихся не просмотренными. Тем не менее в данном случае имеются некоторые основания предполагать, что автором был сам Достоевский, который намеренно ввел читателей «Дневника» в заблуждение.

Первая строка начинается скрытой цитатой из державинской оды «На взятие Измаила» — из той ее строфы, где воспеваются великодушные Росса-победителя:

Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать:
Поляк, турк, перс, прус, хин и шведы
Тому примеры могут дать.
На тех ты зришь спокойно стены,
Тем паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,

¹ Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, с. 94.

² Там же, с. 361.

Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил.³

Стихотворение, записанное Достоевским на черновом листке, выражает ту же мысль, что и державинская строфа, о которой оно напоминает цитатой; однако представленная последними двумя строками картина, рисуемая неуклюжим языком, придает всему фрагменту пародийный смысл и создает именно то впечатление, которое отлично соответствовало зыбкому, нечеткому представлению о поэзии графа Хвостова, складывавшемуся у людей последующих поколений не из непосредственного с нею знакомства, но из репутации автора, составившейся еще при его жизни, а далее передававшейся от десятилетия к десятилетию отзывами его знаменитых противников, в чьих широко читаемых сочинениях они находились в непрестанном обращении, свидетельствами мемуаристов, оценками в критических статьях и работах по истории литературы. Это впечатление поддерживается и другими чертами: назойливым повторением слова «сын», тавтологией «Прусс — Германец», сменой размера в последних двух строках. Варианты четвертой и шестой строк еще более «подгоняют» стихотворение под перо, создавшее печально-бессмертной славы «зубастых голубей».

Если, таким образом, принять заявление Достоевского на веру, то он помнил какую-то пародию на Державина и считал ее автором, с известной долей неуверенности, Д. И. Хвостова. Зачем бы в этом случае искать ему в черновике возможность усилить «хвостовский» колорит? Никаких видимых причин для этого не обнаруживается, тем более что в «Дневнике писателя» варианты не получили отражения. Правда, изменения, предполагавшиеся в четвертой строке, связаны, как будет видно ниже, с развитием собственной мысли Достоевского, но в последней они чисто стилистические, «à la Хвостов», и потому ни в малейшей мере не являлись результатом приспособления чужой строфы к своим целям. К тому же, если бы это действительно был отрывок из какого-то поэтического произведения конца XVIII—начала XIX в., то, поскольку он уже долго и крепко держался у Достоевского в голове, не было бы никакой необходимости выписывать его целиком, а достаточно было бы, как писатель поступал в подобных случаях, ограничиться краткой заметкой-сигналом о намерении воспользоваться этим хорошо знакомым фрагментом. Следовательно, пояснение Достоевского, что цитата приведена им по памяти, вызывает большие сомнения.

С другой стороны, загадочное стихотворение очень хорошо вписывается в круг шуточных поэтических набросков Достоевского (17, 15—27), и если допустить, что принадлежит оно са-

---

³ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957, с. 162; курсив — автора статьи. Слово «Франк» в записи Достоевского можно рассматривать как входящее в цитату подменой слова «хин».

тому автору «Дневника писателя», то варианты не вызывают недоумения, возникающего при атрибуции Хвостову или кому-либо из его современников. Находится весьма правдоподобное объяснение и тому, почему Достоевский навел своих читателей на ложный след. Строка про швейцара оказалась подходящей, чтобы ее привести в полемике с В. Г. Авсеенко, но в отличие от всех других, подлинных цитат ее источник никому из читателей не был, естественно, известен, и потому требовалось как-то ее прокомментировать. Напечатать все стихотворение и назвать его истинного автора не позволял серьезный контекст: нельзя было выглядеть забавником, споря по важным, принципиальным вопросам. Маска Хвостова превосходно спасала положение (кто помнит, что он писал, и тем более станет перерывать тома его эпигонской поэзии, чтобы найти цитату!); но и при этом две последние строки были неудобны для печати.

Встает, однако, вопрос, не выписал ли Достоевский разбираемое пародийное стихотворение из какого-то издания — журнала, газеты или книги — 1870-х гг.

По наблюдениям комментатора черновых материалов к «Братьям Карамазовым», листок находился первоначально в тетради 1874—1875 гг.; заполнялся он в период работы над «Подростком» и обдумывания первых выпусков «Дневника писателя», а несколько лет спустя был вырван и присоединен к наброскам нового романа (15, 415, 610—611).⁴ Атрибутируемое стихотворение было записано не позднее апреля 1876 г., верхний предел датировки определяется лишь предположительно, сравнением с предыдущими записями. Выше стихотворения находится фраза, включенная в несколько измененном виде в январский номер «Дневника писателя» за 1876 г. («Э-эх! Да зачем же и жить, коли не для гордости?» — 15, 212; ср.: 22, 5); она была повторена в тетради 1875—1876 гг. на странице, заполнявшейся 5—8 ноября 1875 г. (24, 67), но вписана там на полях, т. е., очевидно, позднее, и не может служить ориентиром для датировки первичного ее появления у Достоевского. Сразу после этой фразы на листке значится слово «Медиумяты» (15, 212). Достоевский не обходил вниманием статьи по спиритизму, появлявшиеся в начале 1875 г., однако пристально следил за дискуссией с осени, когда полемика накалилась (22, 334—335). Отсюда наиболее вероятным представляется, что вряд ли эта запись была сделана до последних месяцев года и, следовательно, к ним сдвигается ранний предел датировки стихотворения.

Круг чтения Достоевского в промежутке с осени 1875 до апреля 1876 г. подробно изучен комментаторами «Подростка» и «Дневника писателя», не встретившими приведенного в апрель-

---

⁴ Последним был в декабре 1876 г. записан стихотворный набросок «Крах конторы Баймакова...» (17, 33), а затем в 1878 г. выше него и после стихотворения «Турк, Перс, Прусс, Франк...» была внесена еще одна фраза (15, 611).

ском номере четверостишия. Если, тем не менее, допустить, что все же оно спрятано где-то в художественных произведениях или критических либо публицистических статьях, прошедших в это время через руки Достоевского, то непонятно, зачем понадобилось его приписывать Хвостову, сослаться на свою память и переделывать последнюю строку. Кроме того, с ноября 1875 г. все показавшееся Достоевскому примечательным из прочитанного так или иначе отразилось в записной тетради, но на это стихотворение в ней никаких намеков не встречается. Таким образом, хотя и существует вероятность того, что искомый фрагмент покоится в комментаторских лакунах 1875 г., она в действительности очень мала.

Наконец, черновые записи позволяют предположить, что строка «И просвещение несущий всем швейцар...» вызревала постепенно в течение зимы—весны 1876 г.

В «Сюжетах для романов», относимых гипотетически к январю 1876 г. (22, 394), есть записи про обычай верить воспитание детей педагогам из Швейцарии: «Из-за границы принято, что всё умнее. Если б изобрел русский систему воспитания, господи, да его бы съели <...> Это прилично швейцарцу, немцу — ну, так и выписать его, а я генерал» (22, 147). Мысль перекликается с тем, что говорится по этому же поводу в апрельском выпуске «Дневника писателя», но весьма здесь уместная строфа Хвостова почему-то в этом случае Достоевскому не вспоминается. Не потому ли как раз, что еще не сочинена и нет даже замысла? (Если «Сюжеты для романов» записаны не в 1876, а в 1873 г., этот опровергающий авторство Хвостова довод сохраняет свою силу).

В конце января на процессе С. Л. Кроненберга заходила речь о содержателе пансиона для девочек в Женеве де Комба и зачитывались его письма, в которых обосновывалось происхождение каждого знака на теле воспитывавшейся в этом заведении дочери подсудимого (22, 352). Хотя в февральском «Дневнике» об этом говорится мимоходом, отрицательное эмоциональное впечатление от подобной скрупулезной бухгалтерии, будучи, по-видимому, сильным и продолжительным, а также поддерживаясь негодованием против воспользовавшегося ею В. Д. Спасовича, могло сыграть какую-то роль в том, что в апреле, полемизируя с В. Г. Авсеенко, Достоевский возвратился к теме антипатичных ему швейцарцев-учителей.

В черновых заметках к первой главе апрельского выпуска, набросанных в тетрадях 1875—1876 и 1876—1877 гг., «швейцар» упоминается трижды (24, 184, 188, 196), но посвященная ему стихотворная строка опять ни в одной из этих записей никак не фигурирует, несмотря на то что вторая из них представляет уже, например, очень точный конспект-план той главки апрельского выпуска, в которую войдет «цитата». Если учесть, что третья запись сделана позднее чтения газеты «Голос» за 19 апреля (24, 195) и что в черновых заготовках буквально каждого месяца предполагавшиеся для него темы, даже отдельные мысли и

фразы, тем более особенно важные или выразительные, варьировались, как правило, Достоевским неоднократно и на разные лады, эту «забывчивость», тянущуюся столь долго, вряд ли можно признать случайной: строфы, очевидно, по-прежнему не существуют.

В последней записи оформляется каламбур: «Швейцар, потом их стали нанимать прямо в швейцары» (24, 196). Из этого в контексте всех предыдущих аргументов следует, что стихотворение «Турк, Перс, Прусс, Франк...» было, наверное, сочинено позднее с целью обыграть двойное значение слова «швейцар», написанного специально со строчной буквы в противоположность именам всех других (см. текст в начале статьи).

На стадии чернового автографа появилась, наконец, строка про швейцара, сначала в набросках (22, 224), а затем в окончательном тексте. Каламбур обыгран последовательным употреблением строчной буквы через всю главку, что будет выдержано и в печати (22, 114—118). В это же время помещается внизу страницы примечание, объясняющее происхождение «цитаты»; четверостишие не приводится еще целиком, а представлено двумя начальными словами «Турк, Перс».⁵ Видимо, оно или уже готово, или находится в процессе создания. Отвергнутый в конце-концов вариант четвертой строки явно вызван к жизни поисками усиления каламбура.

Лишь в наборной рукописи включена подделка под Хвостова в текст «Дневника», причем ради колорита старинной поэзии слово «швейцар» напечатано с прописной буквы.

Резюмируем: совокупность косвенных доводов поддерживает гипотезу о принадлежности Достоевскому стихотворения «Турк, Перс, Прусс, Франк...», которое предположительно можно датировать последней декадой апреля 1876 г.

Е. И. КИЙКО

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

1. Реализм фантастического в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и Эдгар По

Исследователи неоднократно отмечали, что интерес Достоевского к Эдгару По во многом определялся тем, что некоторые особенности творчества этого американского писателя были близки ему самому.¹

⁵ В опубликованных вариантах чернового автографа (22, 225, варианты к с. 116, строкам 42—46) ошибочно указано, что нет и этих двух слов. Следовательно напечатать: «Текста: Прусс ∞ Швейцар ... — нет» (см. черновой автограф апрельского выпуска, с. 65).

¹ Виднэс М. Достоевский и Эдгар Аллан По. — Scando-Slavica, Copenhagen, 1968, t. 14, p. 21—32; Delaney-Grossman J. Edgar Allan Poe in Russia: A Study in Legend and Influence. Würzburg, 1973, p. 44—53. Ср. также: